

**АЛЕКСЕЙ КОСАРЬ,
ПОЭТ, ЖУРНАЛИСТ**

**Сборник стихов «ОТКРОВЕННОЕ СЛОВО». –
Кемерово, Кемеровское книжное изд-во, 1958. – 160 с.**

К 100-летию газеты «Кузбасс» и 60-летию
создания Союза писателей Кузбасса

Цена 3 р. 10 к.

АЛЕКСЕЙ КОСАРЬ

Откровенное
СЛОВО

КЕМЕРОВО

АЛЕКСЕЙ КОСАРЬ. ОТКРОВЕННОЕ СЛОВО.

АЛЕКСЕЙ КОСАРЬ

МК

14 сентября

20012 650662

*г. Кемерово, 2 (Радуя)
ул. Смирнова,
520; кв 59*

*Ширяеву Владим
Ильичу
сб 4-35-34*

Откровенное СЛОВО

СТИХОТВОРЕНИЯ

1346

*65074 *
у Смирнова,
у Ширяева,
у Филатовой,
у Софьи*

КЕМЕРОВСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1958

§ 242; кв 58

*Косарю Алексею
Васильевичу*

АЛЕКСЕЙ КОСАРЬ

КЕМЕРОВСКОЕ

КЕМЕРОВСКОЕ ОБЛАСТНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

1981

К ЧИТАТЕЛЯМ

Я видел райские края,
Там с гор
хрустальная струя
Скользит, сверкая
и шумя,
Восторг рождая детский...
Но песнь моя,
мечта моя —
Не рай,
не клетка соловья,
а вы, надежные друзья,
и дочери и сыновья
Родной земли Кузнецкой.

ОТЕЧЕСТВО

ОТЕЧЕСТВО

КОММУНИСТЫ

У истоков
нынешнего века,
ленинскую «Искрой»
зажжены,
встали
за свободу человека
пролетарской партии
сыны.
Помните,
как вышли
кучкой тесной,
под огонь
из заводских ворот,
падали от пуль...
Но повсеместно
поднимался,
прозревал народ.
Коммунистов
не согнули тюрьмы,
каторги
слоमितь их
не смогли,
в дни восстаний
в баррикадных штурмах

первыми
сквозь смерть
к победе шли.
Час настал,
и выстрелом «Авроры»
мир до основания
потрясли,
навсегда избавили от горя
Родину —
шестую часть Земли.
Зря пугали —
мы ведь не из робких,
Зря грозили:
головы им
с плеч!
Коммунистов
в паровозных топках
жгли живьем,
но не сумели сжечь.
Кулаки
в них били
из обрезов,
их
с ножом встречали
на пути,
раскаленным добела железом
звезды выжигали
на груди.
Враг жесток,
коварен
и неистов.
Коммунистам
он пророчил крах.

А на деле
мир —
за коммунистов,
будущее мира —
в их руках.
Красных звезд
крылатым пятилучием
вспыхнул свет
над башнями Кремля,
над преображенной
и могучей,
над тобой,
счастливая земля!
Дивно хорошеет
год
от года,
карканью
врагов
наперекор,
жизнь
освобожденного
народа,
вышедшего
к солнцу на простор.
Отделить от солнца
кто же сможет
свет его
живительных
лучей?
Коммунистов
от народа
тоже

силой
не отторгнете
ничьей.
По сердцам,
отзывчивым
и чистым,
по делам,
которых лучше нет,
узнаем
повсюду
коммунистов —
в гуще дел
и в радости побед
В громе стали
неустанных станов,
в блеске звезд,
венчающих копры,
в славе
покорителей урана,
чьи разряды
сказочно щедры,
в мужестве
строителей Южсиба,
что пробили путь
в граните скал,—
за него
сердечное спасибо,
весь народ
сибирякам сказал,—
в стройности
многооконных зданий,
в бурном росте
юных городов.

в простоте народной
изваяний,
в буйном цвете
молодых садов,
в радужной игре
алмазных граней,
вырванных
из царства вечных льдов,
в быстроте
подземных скороходов,
в негасимом
зареве печей
в дерзком плане
завтрашних заводов,
в страсти
жарких споров и речей,
в дружбе
белых и цветных народов,
в их любви,
что солнца горячей,
в сказочном размахе
гидростроев
в шелесте пшеничном
целины,
в звонком изобилии забоев
коммунистов
подвиги
видны
От глубин,
бездонных
и бескрайних,
атома
до звездной высоты

коммунисты
овладели тайной
самой замечательной
мечты!
Знает мир,
о ком
на всех наречьях
песни неумолчные
звучат:
мы идем
грядущему навстречу —
по пути,
что Лениным намечен,
под победным стягом Ильича.

ГОРДОСТЬ ВЕКА

Давно ль
в Москве,
в Кремлевском зале,
где не было
свободных мест,
взволнованно
слова звучали..
Какой простор,
какие дали
открыл для нас
XX съезд!
Весь шар земной как на ладони,
На всех наречьях,
языках,
в Пекине,
в Дели,
в Вашингтоне
и в самых дальних уголках,
в дворцах
и в хижинах колоний
Москва
сегодня
на устах,
Все человечество внимало

словам,
несущим солнца свет.
С Кремлевского Большого зала
глаз не спускал
и юн, и сед.
К тому,
что Партия
сказала,
на свете равнодушных нет.
Надежда мира,
ум
и сила —
все люди честного труда,
их мать
для радости
вскормила,
они душой
с Россией милой,
сердцами
с нами
навсегда.
На Волге
и на Ангаре,
на малых и великих реках,
в огне печей,
в полях
и в штреках,
в электроатомной заре,
мы —
гордость нынешнего века,
родившегося в Октябре,
шагаем к близкой той поре,
где все —
для счастья человека.

ВЫСТРЕЛ «АВРОРЫ»

«Авроры» выстрел —
вестник жизни новой
Он в зареве восстания
багряном
Взорвал России
рабские оковы,
Пронесся вихрем
по сердцам
и странам.
Родился
на разбуженной планете
Средь мира тьмы —
мир солнечного света
С тех пор
везде
и взрослые,
и дети
Поют
о нашей родине Советов.
Китаец
с этой песней
строит дома.

Поляк
стирает
нищенства межи,
Вчерашний безработный
и бездомный
Сегодня строит
радостную жизнь.
Ни вражья ложь,
ни черной злобы горы
Не затемнят
свет Родины моей.
Встают народы,
сбрасывая горе...
Сигнальный выстрел
крейсера «Аврора»
Из года в год
грохочет все сильнее!

В ПУТИ

Не считай километры:
Край родимый богат.
Сизокрылые кедры
Вдоль дороги летят.

Как прибрежные всплески,
Голос моря живой,
Шелестят перелески
Серебристой листвою.

У обочин дороги
Стройных елочек ряд,
И берез белоногих
Хороводы шумят.

А лесные поляны
И степные бугры
От восхода румяны,
От цветенья пестры.

Гром средь ясного неба —
Расступается лес:
Вылетает на гребень
Из-за леса экспресс.

Вьется пар по откосам,
Рельсы-струны звенят,
Поездам под колеса,
Сыплот горсти огня.

За лесами, полями —
Рудники, города.
Красный флаг над копрами,
Рядом с флагом — звезда.

День и ночь друг за другом,
За экспрессом экспресс:
То железо, то уголь,
То пшеница, то лес...

Погляди на вагоны —
Словно песен слова:
«В Сталинград»...
«Еолго-Дону»...
«Гидрострою»...
«Москва»...

Коридором зеленым,
Сквозь тайгу, по мостам...
Нет конца эшелонам!
Счета нет поездам!

МАТЕРИНСКОЕ СЛОВО

Голос материнский
радостней всего
над родной кровинкой
сердца своего:
— Милый мой орленок,
выйдешь из пеленок,
подрастешь, взовьешься
к солнцу из гнезда.
Я тебя вспоила,
я тебя вскормила,
чтоб не заслонила
ясный свет беда.
Молодой, веселый,
как и жизнь сама,
строит сын заводы,
шахты и дома.
В жестких рукавицах,
зоркий, смуглолицый,
словно воин клятву,
помнит он всегда:
— Я тебя вскормила,
я тебя вспоила,
чтоб не заслонила
ясный свет беда.

НА ЛЕСАХ

Вслед за солнцем
 поднимись по сходням
на забрызганные известью леса,
погляди строителю в глаза:
чем живет,
 что думает сегодня?
Кран к его ногам
 кирич подносит,
известь — на руках,
 на пиджаке,
и в прокуренных усах,
 и на виске —
словно капельки известки,
 а не проседь.
Это он
 вихрастым пареньком
в сестриной
 поношенной жакетке
из села далекого
 пешком
шел на стройку
 первой пятилетки.
Зимовал
 в простуженных бараках,

на лесах
 в метели
 коченел
и не раз
 украдкой
 ночью плакал,
но уйти домой
 не захотел!
Жизнь и закаляла
 и пытала.
«Ты на стройке
 не случайный гость?
Из какого
 выкован металла?
Гверд, как камень?
 Крепок ли, как гвоздь?» —
...Что ж — о нем,
 один такой он, что ли?
Не у одного
 такая стать.
Тысячи росли
 в суровой школе,
мужеству учились
 в комсомоле,
и стремились
 коммунистом стать.
Как же не порадует сердце,
если тут же,
 рядышком
 с тобой, —
крепкая семья
 друзей-умельцев,
спаянных
 завидною судьбой.

ними,
день за днем,
по кирпичу
строит он дома
в любую пору.
Все ему работы по плечу,
тем плечом
он поднял к солнцу
город!
Начали с Магнитки,
с Кузнецкстроя...
К Волге
Дон
сквозь степи провели.
Завтрашнее счастье
всей земли
строим сами —
собственной рукой.
Родина —
огромный дом в лесах.
Посмотри,
сияние какое
у строителя
в прищуренных глазах!

ЛЮБИМАЯ ПОРА

Опять осенняя пора
Зовет и манит со двора

Взглянуть на золото берез,
Послушать шумный шелест листьев
И разыскать озерный плес
В кустарнике, как в шубе лисьей,

На голубом зеркальном плесе
Утиный хор встречает осень.

Над степью марево висит,
Ни облачка на небосводе,
Но лежебоки — караси
На илистое дно уходят.

Среди поникших камышинок
Не видно венчиков кувшинок.

Луга, поляны отцвели,
Трава поблекла и увяла,
На юг уплыли журавли,
Крылами шевеля устало.

За ними улетело лето,
Земля покрылась желтым цветом.

Для вечно молодой земли
Разлука с летом — не прощанье.
Осталось, как салют вдали,
Лесов осенних полыханье.

Вокруг горящие боярки,
Как осень золотисто яркие.

И вдоль дорог и по оврагам
Горят деревья без огня,
Подобно светоносным флагам,
Что вспыхнули в начале дня

Над нескончаемым обозом
Несметной щедрости колхозов

Светлы осенние дороги,
Багряны рощи и леса,
Синеют горные отроги
И голубеют небеса.

Не увядание приносит
Хозяевам природы осень.

Простор полей встречает зиму
Зеленой свежестью озимых.

Прозрачно желтые осины,
Берез горящая листва...

Мне дорога, как мать для сына,
Картина жизни торжества.

Она мне стала самой близкой
Еще с мальчишества в селе...
Да, краше осени российской,
Пожалуй, нет на всей земле.

МАЙСКОЕ

Сегодня солнышко встало,
как будто, раньше обычного.
Глаза у каждого встречного
по-солнечному ясны.
И столько вокруг молодого,
величественно непривычного,
что глянешь—
и дух захватывает
от этакой новизны!
Куда там рекам весенним,
разлившимся в многоводии.
Куда им
до праздничных улиц,
где песни и смех—
через край!
Сменяются поступью маршей
торжественные мелодии,
На крыльях знамен и флагов
летит над землей
Первомай.
Он песнею звонко-певучей
летит над стенами бескрайними,
где пар чуть заметно дымится
над первую бороздой.

где волны пшеницы
впервые
заплещутся под комбайнами,
откуда в амбары Отчизны
польется поток золотой.
Весенней прохладой пахнуло
в лицо тракториста безусого
И луч озорной заглянул
в его голубые глаза.
Пригладив ладонью шершавой
вихры непокорные, русые,
к прицеппику он обернулся,
мотор приглушил
и сказал:
— Ты знаешь
о чем я?
О силе,
которой навеки мы спаяны.
Она молодит все живое:
подобно цветущей весне,
Пройди по Отчизне,
езде —
от Кремля до окраины
все думают нынче
о нашей,
о поднятой целине.

ЛЮБОВЬ И ДРУЖБА

ПЕСНЯ О ДРУЖБЕ

А. Н. Волошину

— Снега, как перья лебелей,
Покрыли все вокруг..
Но сразу на душе теплей,
Когда приходит друг.

Добро не в том,
Кто за столом
Дружить поклялся вдруг.
А друг в труде.
А друг в беде —
Мой настоящий друг.

Он улыбнется, и светлей
Мне станет среди вьюг.
Верней не знаю я людей,
Чем он, мой верный друг.

Не тот мне мил,
Кто с нами пил,
Назвался другом вдруг.
А друг в труде.
А друг в беде —
Мой настоящий друг.

Мы с ним за партию за одной
Сидели десять лет,
И нашей дружбы фронтовой
На свете крепче нет.

Не тот хорош,
Кто, словно грош,
Вкатился в братский круг,
А друг в труде,
А друг в беде —
Мой настоящий друг.

Теперь на новые дела
Нас дружба подняла.
Мы с другом — будто два крыла
Летящего орла.

Мы говорим:
Не тот любим,
Кто полюбился вдруг,
А друг в труде,
А друг в беде —
Наш настоящий друг.

Пройдут года. И нас, отцов,
Заменят сыновья.
Но и тогда, как среди юнцов,
Вновь друга встречу я.

И с ним вдвоем
Мы за столом
Былое вспомним вдруг.

Он — друг в труде,
Он — друг в беде,
Мой настоящий друг.

И так везде, где б ни был я —
В родном, в чужом краю.
Люблю вас, верные друзья,
Как Родину свою.

ТОПОЛЬ И БЕРЕЗА

Как живые, в гордых позах
встали на виду
стройный тополь и береза
в молодом саду.

Ветры, злые от мороза,
тополь гнут в дугу.
Белоногая береза
до колен в снегу.

Но ни бури, ни морозы
дружбе ничем.
Белоногая береза
с тополем вдвоем.

Если в жизни будут грозы,
попадешь в беду,
вспомни тополь и березу
в молодом саду.

Боль и горечь расставанья
знали мы не раз,

никакие испытанья
не разлучат нас.

Ни к чему в разлуке слезы,
я к тебе приду.
Мы, как тополь и береза,
встанем на виду.

БЕРЕЗКИ

Здесь смельчак
и тот слегка попятится
от обрыва страшного
назад.

А березки
в легких желтых платьицах
на скале
на цыпочках стоят.

...И когда виски
возьмутся просеديو
и настанет время отдыхать,
я хотел бы,
как березки осенью,
не сгибаясь,
до конца
стоять.

НАТАША

Лежала в больнице малышка Наташа.
Кормили Наташу и супом и кашей,

Поили компотом и молоком.
И каждый больной был Наташе знаком.

Мы рядом лежали, в соседней палате,
Цветы вырезали для куклы на платье,

Игрушки клеили из старых газет
И в гости к Наташе ходили чуть свет.

Любили Наташу и сестры и няни,
Одна ей — конфетку, другая — ей пряник.

Приди, погляди и порадуйся, мать:
Наташу у смерти сумели отнять!

Наташу брал на руки токарь с завода:
«Моей Лизаветушке тоже три года».

Стучал костылями и прыгал хромой:
«Наташка, поедем со мною домой!»

Старик-бородач называл ее внучкой,
С Наташей здоровался важно — за ручку.

Наташе друзья не давали скучать...
И вдруг заявила наташина мать.

Вошла, зашипела,
Накрашенным ртом:
«Устроить сумела
Наташу в детдом...»

Там будет не хуже
Девчонке — моей...
А новому мужу
Не надо детей...»

Не вынес наш токарь
Обиды жестокой:

«Молчите, мамаша!
Наташа не ваша!

Уйдите. Я вам
Наташу не дам»

...Пришла вся больница
С Наташей проститься,

А токарь фуражкой
В ответ помахал
И вместе с Наташкой
Домой зашагал.

РОДСТВО

Ты — словно утра синева,
Что радостно струится в окна,
Светла,
чиста,
свежа,
нова,
Как первые любви слова,
Как день, вступивший на порог к нам.

И я не тот,
кто на словах
На веки-вечные нам предаю,
Кто дружбу,
как вино отведав,
Нас ни за совесть,
ни за страх
Сто раз сменяет на соседа.

Мы родственны такому кругу,
Где друг на деле верен другу.

ПОДАРКИ

Хоть и не в центре рудника
и не в асфальте улица,
но ладным домом горняка
прохожие любят.

Не потому ль, что на крыльцо
ведут ступени чистые,
и окна смотрят вам в лицо
открытые, лучистые?

Не потому ль, что во дворе
за старенькой оградой
белеет, словно в серебре,
цветеньем сердце радуя,
семейство яблонек-подруг,
красавиц светлокудрых —
чудесный плод хозяйских рук
неутомимых, мудрых?

Не тем он дорог, что богат,
Есть во сто раз богаче.
Другому я богатству рад:
с утра здесь голоса ребят,
как колокольчики, звенят!

И лишь когда ребята спят
их мама вдруг... заплачет.

Достанет со стены портрет,
вздохнет и глаз не сводит.
Уж сколько лет
на свете нет..

А кажется, что вроде
еще вчера, придя домой,
рассказывал с любовью
про шахту и про свой забой..
Был муж.

А за его спиной
жить, как за каменной стеной.
Не то, что ей с детьми одной
терпеть невзгоду вдовью.

И накормить,
и постирать,
заштопать
и погладить,
в сто мест за день
успеть слетать,
сто детских ссор уладить.

Тому на курточку достать,
а той купить на платье —
и всюду ты, родная мать,
часок-другой тебе поспать,
а там и дети хватятся..

В такой-то грустный вдовий час,
когда тоска на сердце,
без приглашенья трое враз
с крыльца шагнули в сенцы.

И разрешения спросив,
не ожидая встречи,
вошли
и каждый пробасил:
— Хозяйка,
добрый вечер!..

Прости, что поздно так пришли,
застать хотели дома.
Тут кое-что мы принесли
от имени шахткома,
от имени парткома,
от нашей шахты, что тебе
не первый год знакома...

Узлы развязаны.
И нет
цены простым подаркам!
В них сердца доброго привет,
тепло и свет
на много лет.
Любовью к детям дом согрет,
как будто солнцем жарким.

ЖИЗНЬ

Л. Э. Кандорской.

Утром под ногами шелестела осень.
В полдень землю белизной покрыло...
Молодость!
Давно ль ушла?
А проседь
голову уже посеребрила.

НЕ ДАРОМ...

Не нам досадовать:
 «Все — в прошлом...»
О прожитом
 жалеть не нам.
Жизнь отдана
 не чувствам пошлым,
А вечно молодым
 делаю.

ВЕРЮ

Встает перед глазами вся земля:
Шумят леса, березовые рощи,
Река полотна берегов полощет,
И ленты улиц распускает площадь.
До синих гор — цветущие поля.

Чего же проще — встал бы и пошел
Рубить с друзьями вековые кедровые,
Или бурить заждавшиеся недра,
Пахать..
За труд земля оплатит щедро.
С любимым делом всюду хорошо.

Мне в спутники любимая дана,
Как ясный день, везде со мной она.
Своей любовью верной и горячей
Она поможет сделать все, что начал.

В ОТЪЕЗДЕ

Всякий раз
лишь уеду,
тотчас заскучаю по дому.
Вдалеке
тяжкой глыбой
ложится на сердце тоска.
Неужели на век оставляю,
что с детства знакомо?
Неужели
теряю,
что целую жизнь проискал?!

БЕСПЕЧНОСТЬ

Беспечность —
глупого удел,
а умный
постоянно знает,
что враг
повсюду промышляет.
Особенно —
у важных дел.

ФЛЮГЕР

С уверенностью знатока
на все он смотрит
 свысока,
меняет мнение
 легче,
 чем чернила:
ругает в полдень
 правая рука
все: то,
 что утром
 левая хвалюда,

ХАМЕЛЕОН

Он втихомолку
грешит немножко,
труслив, как заяц,
блудлив, как кошка.

Но чуть заметит:
любишь открыто,
вопит:

«Растленье
морали,
быта!..»

ДЕВУШКЕ

У жизни свой всему черед —
поре цветенья,
 увяданья,
и не спеши
 любовью ранней
обжечь свой лепестковый рот.

Любовь неожиданная придет
и новые разбудит силы,
и не листочком,
 ранным,
 хилым,
а майским садом расцветет.

НА СВИДАНИЕ

Почему так сердце защемило?
Не сдержать волнения в груди.
С каждым километром ближе к милой,
поезд, поскорей вперед лети!

Мимо семафоров станционных,
мимо неумолчных городов
по колени снегом заметенных..
я в обгон ветров лететь готов.

Чтоб столбы за окнами мелькали,
как мелькают мысли в голове.
Пролетят заснеженные дали,
черный бор и горы в синеве.

А в долине, заревом расщечен
и окутан дымкой голубой,
юный город — место нашей встречи,
нашей встречи, милая, с тобой!

ТЕНИ ГРОЗЯТ

Стою у окна и как будто прирос.
И глаз не свожу с пожелтевших берез.

Гляжу и не в силах отпрянуть назад.
Со стекол мне страшные тени грозят:

«Пришел наш черед. Но настанет и твой —
Осыплются дни золотистой листвою.

Зима нас обнимет рукой ледяной.
К тебе ж подкрадется она сединой;

И ты, — хоть всю жизнь! — прстоишь у окна...
Вернется опять только наша весна».

ВСТРЕЧА

Пусть любой
 навалится недуг —
Не боюсь.
 Любого горя мало.
Даже смерть
 подступится не вдруг.
— Здравствуйте! —
 мне девушка сказала!
Поглядел —
 все молодо вокруг.

РАЗГОВОР С ВОЛНОЙ

Я стою у Томи.
Берега
в розоватом тумане.
Тихо шепчет волна,
набегая на желтый песок...
«Дорогая!
Возьми
и до той,
что меня не обманет,
донеси мой привет
и скажи:
я дожидаться не смог.
Или лучше молчи.
Проплещи мимо черных утесов
и, шурша,
затеряйся
в густом тальниковом саду...
А кусты проскочив,
разгуляйся
по вольному плесу,
доплыви,
передай —
я всю жизнь, если надо,
прожду!..»

УТРО

Звезду последнюю гаси!
Встает заря-красавица.
Через окно морская синь
Ко мне на грудь бросается.

«Мой друг,
спеши
обнять меня!» —
шепнула мне,
усталая,
и под суровым взглядом дня
скользнула
и... растаяла.

ОЖИДАНИЕ

Друг далекий! Где-то ты сейчас...
Кто с тобою грусть и радость делит?
Пролетели дни или недели
С той поры, когда последний раз
Друг на друга молча мы глядели.
Расстоянье не разделит нас.

Не жалею же писем-голубей.
Белокрылые опять передо мною!
И запахло в комнате весною,
И на сердце сделалось теплей,
Будто юность встала за спиною.
Не желею же писем для друзей.

Как бы я хотел с тобой сейчас
Побывать везде, где сердцу любо.
В зареве огней дымятся трубы,
Звезды шахт зажег родной Кузбасс,
С песней в лес уходят лесорубы
К склонам гор, чьи шапки, как алмаз.
Все зовет, все ожидает нас.

ЛЮБОВЬ

Как матери первого сына рожденье,
Дни первой любви незабвенны и близки..
Секундами каждый отсчитывал день я
И рвал, как бумагу, все дни на записки.

Но зря непоседой резвился и бегал.
Любви моей зерна попали на камень.
Записки летели и таяли снегом,
Опавшим с ботинок у парт, под ногами.

Опять выбираю друзей почестнее..
Но друг затерялся в нарядах и танцах.
И снова любовь моя в сердце черствеет,
Как хлеб у солдата в простреленном ранце.

Откроюсь, как книга. Читай по страницам!
Здесь хватит всего для тебя по седины..
Придет, полистает и прочь сторонится,
Любуясь картинками из середины.

Бродил нелюдим, одинок, неприкаян,
И вдруг предо мной загорелась звездой
Другая, с улыбкою солнца! Такая,
Которой, быть может, я сам и не стою.

И сразу в душе моей стало светлее,
Чем в доме, разбуженном ярким восходом.
И бросился я по цветущей аллее
Туда, где любви моей первые всходы.

Дома, расступаясь, давали дорогу.
Шоссе расстилось зеркальным асфальтом.
И только откуда-то сбоку:

«Не трогай!
Любовь твоя к месту придется едва ль там».

Завистники
счастью чужому
не рады.

Но счастье
над завистью
нынче смеется.

Любовь
никогда
не задержат преграды.

Любовь
сквозь любые преграды
прорвется!

НА РАССВЕТЕ!

Месяцу,
что с девушкой-звездой
небеса обходит
на рассвете,

закричал я:
— погоди!

Постой!
Расскажи мне,
где такую встретил?

На рассвете
ни одной звезды,
Только хвалишься звездой ты.

Месяц улыбнулся
мне в ответ,
обнажив серебряные зубы:
— Обошел я за ночь

целый свет,
но звезды на свете
лучше нет

той,
земной,
что ты
целуешь в губы.

НИ СЛОВА О ЛЮБВИ

Я о любви
ни слова
не сказал...

Мы пили время,
как вино,
часами.

В любимом вальсе
закружился зал
под небесами —
вашиими глазами...

Всю жизнь
глядеть бы мне
в твои глаза!

...Я о любви
ни слова
не сказал.

ФОНТАН

Словно в роще на заре,
радугой украшенной, —
птичье пенье во дворе
возле дома нашего.

Не смолкают голоса.
На листе блестит роса.

Обойди со всех сторон,
двор у нас прекрасен:
он оградой обнесен,
лесом опоясан.

Но ничто, как центр двора
так не хвалит детвора.

Будто в роще на поляне,
среди двора стоит звезда.
Из звезды бежит в фонтане
звонкоструйная вода.

Пятилучие звезды
из серебряной воды.

Под звездой чудесный круг —
дырчатая трубка.
Из нее взвываются вдруг
тысячи прозрачных дуг
и рассыплется вокруг
капельками хрупко.

Хоть кричи: «Ура, дуга!»
Не дуга, а радуга.

Целый день поют с утра
птицами залетными
дети нашего двора —
племя беззаботное.

И купается в фонтане
детских песен щебетанье.

ЮНЫМ ДРУЗЬЯМ

Простились с лагерем веселым
(реку и бор забыть нельзя),
звонок опять зовет нас в школу:
— За парту, юные друзья!
Знакомый сад,

широкий двор,

турник,

спортивная площадка...

Нас эхом встретил коридор.

А в классе

чистота,

простор,

и запись первая

в тетрадках.

О чем ты думаешь,

сосед,

мой неразлучный друг по школе?

Пройдет совсем немного лет,

и мы с тобою

выйдем в поле

с отборным

золотым зерном,

кто сеяльщик,

кто агроном.

А может быть,
и ты когда-то
войдешь к другим ребятам в класс,
как наш учитель
к нам сейчас,
и скажешь:
— Здравствуйте, ребята!..
Пройдет совсем немного лет,
и пусть не я,
так мой приятель
пришлет друзьям своим привет,
как тракторист
или писатель.
Отчизны верные сыны
в делах
и в почестях
равны.
Нам столько
надо изучить,
чтоб дело выбирать
любое
на стройке,
у станка,
в забое.
Ведь нам
при коммунизме
жить.

ЖЕЛЕЗНЫЙ СЛЕД

Отец сказал:
«Сынок,
в пути
ни шагу —
без труда.
Не должен
человек уйти
из жизни
без следа...»
В буран
и в дождь
он столько лет
вел с бездорожьем бой!
И навсегда
железный след
оставил
за собой.

РУКИ ШАХТЕРА

Скульпторы делают слепки
С рук скрипачей знаменитых.
Форму рук ваших крепки
Выгранить бы из гранит.

Пусть отошьет их мастер
Из нержавеющей стали.
Руки шахтера счастье
Из-под земли достали.

ПЕРЕМЕНА

Вчера еще
 море
 гладью зеркальной
стелилось под лодки и корабли.
Сегодня
 навстречу
 скалам оскаленным
вздымаются грозные волны вдали.
Нахмурилось небо.
 Черные тучи
закрыли яркого солнца лучи.
Лишь падают змеи
 молний летучих
и мрак рассекают,
 как будто мечи.

ВЕРНОСТЬ

Недрузи
в несчастье — кто куда
разбегутся,
позабыв друг друга.
А друзей
не разлучит беда.
Верность дружбе —
лучшая порука,
что беда
не сможет
никогда
вырвать нас
из дружеского круга.

ДРУЗЬЯ

1

Рыли котлованы в дождь и в стужу,
время отбирали у ночей.
С той поры мы с другом честно служим
у кузнечных огненных печей.

Зоркий он, и я с ним лучше вижу.
Знатный он, и я ему — родня.
Чем же друг мой металлургам ближе?
Чем же он достойнее меня?

У него характер, как броня.

Первым он считается не даром.
Стану я таким же сталеваром!

2

Слава обо мне идет в народе,
в шахте я не первый уж годок.
Грамоту почетную и орден
дали за кузнечный уголек.

Кажется, я дружбой не обижен:
горняки мне лучшая родня.
Чем же мой дружок шахтерам ближе?
Чем же он достойнее меня?

В сердце друга — на троих огня.

К новым кладам мы пробьемся скоро.
Стану я таким, как он, шахтером!

ЯСНАЯ ПОЛЯНА

(Шахтерский поселок)

Кто открыл ее, когда, —
сочинять не стану,
но влюбился навсегда
в Ясную поляну,

в Ясную поляну,
где цветы не вянут.

Там ребята и девчата —
все на выдумку богаты,
от рассвета до заката
спор ведут с баяном.

Предлагайте города,
выбирать не стану.
Выбрал сердцем навсегда
Ясную поляну.

Ясную поляну

Строили по плану.

Сообща, по уговору

раскопали, срыли гору,

и поселок вырос скоро —

радость для шахтеров

Рассказать всего нельзя.

Хвастаться не стану.

Приезжайте к нам, друзья,
в Ясную поляну.

В Ясную поляну.
Здесь цветы не вянут,
Здесь ребята и девчата —
Все на выдумку богаты,
от рассвета до заката
спор ведут с баяном.

БАЛЛАДЫ

БАЛЛАДА О КОМСОМЛЬЦЕ

Парторг рассказал
молодым горнякам
историю города
и рудника.

Закончил и встал:
— Не пора ли домой?..
Его обступили
шахтеры толпой.

— А помните
первого здесь комсомольца?..
Увидел парторг:
молодежь не уймется.

И в памяти
что-то свое отыскав,
взглянул на пустой
гимнастерки рукав.

Минуте молчанья
не видно конца.
И, кажется, слышно,
как бьются сердца.

• Парторг вспоминает,
и каждое слово
рисует ребятам
картину былого.

...Как будто откуда-то
издалека
доносится грохот
броневика.

За ним — колчаковцы,
карателей роты.
По улицам города
бьют пулеметы.

А кто не ушел
с партизанами в лес,
тот схвачен.
Винтовки наперевес.

Шахтеров штыками
загнали в вагон,
поставили стражу
со всех сторон.

Замок и пломбы
цепляет на дверь
английский
вышколенный офицер.

«В последний дорогу,
большевики...» —
И вытер перчаткою
кровь с руки.

...Несется по рельсам
тюремный вагон.
Под ним висит
паренек-коногон.

Он должен в вагоне
пол просверлить,
иначе шахтерам
недолго жить.

Как будто железный
в вагоне пол!
И все же бурав
сквозь пол прошел.

Еще, Сережка!
Еще сверли!
А судороги пальцы
совсем свели.

— Товарищи! —
голос летит в вагон.
— Товарищи!
Это я, коногон.

Ломайте! Скорее!
Ломайте пол!
Меня на помощь
прислал комсомол...

Взломали.
Ударил в глаза песок.
Теперь шахтерам
не страшен замок.

Пока паровоз
тормозил под уклон,
шахтеры тайком
покидали вагон.

Последним — Сережка,
на шпалы бросок.
Рука коногона —
под колесо...

Искали всю ночь
паренька горняки,
в канаве Сережку
нашли без руки...

...Закончил рассказ
и снова умолк
Сергей Алексеевич,
наш парторг.

Понятно стало
всем горнякам,
почему у парторга
одна рука.

ПОДВИГ

*Нежинско-Кузбасскому корпусу,
прошедшему с боями от Великих
Лук до Праги.*

Подарок дончан —
Вороной, быстроногий.
Собрала поводья казачья рука.
Пришпорил коня —
И клубится дорога,
Да молнией гаснет

кумач башлыка...

А мы подарили вам
Не вороного,
Не красный околыш,
Не седел узор,—
Могучих коней

из брони вороненой,

Заржут —
За версту осыпаются клены,
Ударят копытами —
Эхо застонет
И ринутся камни

лавиною с гор.

РУДНИК В ГОРАХ

Посвящается горнякам Шальма.

Окаменели недра за века
на всем пути подземном горняка,
за шагом шаг
дается только с бою —
ведь горы у него над головою.
...Но видел я другого горняка
и у него над головой
не горы,
а синева,
такая, как на море,
под ним тайги бескрайние просторы
и возле ног
толнятся облака.
Его отец
немного лет назад
убил в тайге медведя под горою.
И, обходя болота стороною,
взял темно-бурый камень наугад.
Не знал старик,
что отыскал он клад.
Случайный камень
для него не диво,
Тяжеловат, но годен для огнива.

Обратный путь с медвежьей тушей долог,
застала ночь охотника в тайге,
его в палатку пригласил геолог
и взвесил рыжий камень на руке.
Сказал:

«Спасибо, друг!

Твоя находка
редчайшего дорожке самородка».
За плечи обнял:

«Знаешь ли, дружище,
твой ржавый камень
вовсе не простой.

Не первый раз
мы этот камень ищем
по всей тайге,
не только под горой».

...Сменился год,
и среди тайги возник
по имени охотника рудник.
В глухом углу медвежьем, невеселом,
в долине,
меж болотом и горой,
строители
домов ровняют строй:
растет рудник —
театр,
больница,
школы...

Наступит вечер,
вспыхнет свет в окне,
рудник усеян россыпью огней.
А на горе,
едва слышны поселку,

друзья охотничьего сына — горняка,
поднявшись с ним почти за облака,
ворочают громами без умолку.
И в том далеком
 поднебесном громе
с железным сердцем камень
 взят для домен.
В печах кузнецких
 плавится металл,
чтоб рельсам лечь
 на новый путь добротный,
чтобы реке,
 могучей,
 многоводной,
плотины вая
 дорогу преграждал.
Чтоб ежедневно
 подвиг горняка
остался в памяти народа
 на века.
Для Родины
 пойдем
 куда угодно:
в глубины шахт,
 в тайгу,
 за облака.
Не зря у нас
 любовью всенародной
Окружена
 работа горняка.

СЕВЕРНАЯ БАЛЛАДА

С. М. Балашову.

В краю, где полгода бывает ночь,
и, кажется, дня дожидаться невмочь,
в краю, где полгода не гаснет день,
где лучший друг человека — олень,
живет седой косторез Уэкен,
его не сравнить в Заполярье ни с кем.
Случится на севере быть, — непременно
найдете в селении дом Уэкена.
— Забыть мастерство Уэкена нельзя, —
прощаясь со мной, говорили друзья.
...Закрылась кабина, взревели моторы.
И город игрушечным сделался вскорю.
Но вот под крылом он исчез вдалеке,
и я размечтался о старике.
Над горным хребтом, над сибирской тайгой
старик Уэкен не давал мне покою.

Растаяли в дымке и горы и лес,
а мне все мерещится дед-косторез.

За бухтами Тикси и Провиденья
пилот посадил самолет у селенья

на самый окраинный аэродром,
он лег под колеса цветочным ковром.

Встречали нас, редких крылатых гостей,
все жители — от стариков до детей.

И первую руку сжимая в руке,
спросил я: «Который же здесь Уэкен?»

Толпа зашумела, и кто-то в ответ
сказал, что сейчас Уэкена здесь нет.

Он занят. Но если к нему я хочу,
проводят меня в узкеновский чум.

...У входа раздвинул я шкуры оленьи,
протиснулся в чум и... застыл в изумленьи.

В одежде медвежьей, белее, чем снег,
спиною к порогу сидел человек.

И то, что держал он в умелой руке,
останется сказкою о старике.

Как будто в бинокль волшебный сквозь годы,
увидел я: бьются во льдах мореходы.

Их смелый корабль врезается носом
в поля ледяные, ломает торосы,

Пурга!.. Но отважен здесь каждый матрос,
он к палубе скользкой как будто прирос.

«Взломать все преграды!» — приказ ему дан,
и твердо стоит за рулем капитан.

В седые усы он чуть-чуть улыбнется —
и мужеством каждое сердце нальется,

любые преграды рассыплются в прах.
Любимая трубка не гаснет в зубах.

Стоит капитан, несравнимый ни с кем,
как тот, о котором мечтал Уэкен.

Не верилось, что на моржовом клыке
сегодняшний мир воссоздал Уэкен.

ВОИН И ТРУЖЕНИК

Наш город
не герой,
он в битвах
на смерть
не стоял,
бомбежек яростных
не знал,
от ран тяжелых
не стонал,
И что ж,
он славы не достоин?
Его,
быть может,
не сравнить
с прославленными городами,
с их боевыми именами,
которым в мире
вечно жить.
ни Ленинград,
ни Сталинград,
ни Севастополь,
ни Одесса,
где путь нещадная завеса

сменялась
на смертельный град.
Там камень
уставал стоять
и рассыпался от ударов.
Но твой солдат,
Россия-мать,
среди разрывов
и пожаров
умел победу добывать
и не за доллары,
а даром
весь мир
от гибели спасать.
О нем заботилась Москва,
в Кремле не спали до рассвета,
чтоб Родина была жива,
сыта,
обута
и одета,
чтоб в сердце нам
вошли слова:
— Друзья,
да здравствует победа!
В боях наш город
не бывал,
и в мирных стенах
нет пробоя,
но тот,
кто у станков стоял,
руду
и уголь
добывал,

варил,
катал,
ковал
металл,
труду все силы отдавал,
тот наравне с тобою,
 воин,
бессмертной славы
 удостоен.

РОДНЫЕ МЕСТА

РОДНЫЕ МЕСТА

Пока
После
«Земля
нашу ГРЭС»

По нам
Над
годом

ЯСНООКНИЕ ОГОНЬКИ

Даль гористая,
глушь — окрест.
Здесь мы выстроим
нашу ГРЭС.

Будь неистовым
на лесах,
ставь плечистые
корпуса.

Время быстрое:
дней — в обрез.
В сроки выстроим
нашу ГРЭС!

Над болотами,
погляди,
сил и пота мы
не щадим.

К солиду тянутся
этажи,
не состарятся,
век прожив.

Голосистая
Песнь — окрест:
«Здесь мы выстроим
нашу ГРЭС».

По-над быстрою
Над рекой
город выстроим
молодой.

Каждой улице,
в каждый дом
славу-спутницу
приведем.

И жемчужиной
среди болот
край разбуженный
расцветет

Ламп зарницами
до небес
солнцелица
вспыхнет ГРЭС.

И потянутся
провода
к новым станциям,
в города.

На далекие
рудники —
ясноокне
огоньки.

ТАШТАГОЛ

Мне геолог Таштагола
Подарил руды кусочек.
Без оправы камень голый —
А дороже многих строчек.

Сколько силы в этом камне.
Не расскажут и века мне.

В темно-сером камне голом
Все богатства Таштагола.

КЕМЕРОВО

В тайге, повитой сизой дымкой,
Где выше всадника трава,
Возник ты домиком-заимкой,
За мелководной Искитимкой,
Что до сих пор еще жива.

В Кузнецкой котловине—чаше,
На диком берегу реки,
Тебя воздвигли предки чашн,
Кондовые сибиряки.

Твой основатель был упрямым,
И ты родился, зная, таким.
В родную землю врос ногами,
Раздвинул лес вокруг руками,
Старателен, неутомим.

И там, где зазвучало слово,
Глянь—запестрел домов наряд.
На правом берегу—Щеглово,
На левом—Кемерово—в ряд...

Лишь через два кандалных века
Ты стал уездным городком...

Но нет, пожалуй, человека,
Кому теперь ты незнаком.

Большой судьбы своей хозяин.
Все Родина тебе дала.
Размах от центра до окраин —
Как будто крылья у орла.

В твоих домах широкоплечих,
В просторе улиц, площадей
Заслуженно увековечен
Упорный труд твоих людей.

И пусть брюзжит, заметив лужи,
Заезжий гастролер-пижон.
Он видит то, что лишь снаружи,
Он видит то, что лишь похуже,
Он только сам в себя влюблен.

Хотя ты внешне прост и скромн.
Подобно жителям своим,
Твоих трудов итог огромен,
Запас богатств неисчислил.

От кокса, угля и лекарства
До удобрения и машин —
Все для родного государства
Дашь, Отчизны верный сын.

СТАЛИНСК

У пассажиров на виду,
широкие расправив плечи,
вокзалу шумному навстречу
шагнул железный виадук.
Спешат приезжие толпой
на виадук.

Считай ступени.

Отсюда город в озареньи,
как на ладони, пред тобой.
Проспектов,

площадей простор...

Былого нет здесь

и в помине.

Струятся

сталь

и алюминий,

как водопад Алтайских гор.

...Юнцам,

что котлован копали,
для родников кузнецкой стали,
пускай не избежать седин.

Но будет вечно молод

Сталинск —

великих пятилеток

сын.

У МАРТЕНА

Выжженной Сахары горячей
место на земле едва ль найдется.
Только у мартеновских печей
жарко, как на солнце.

Там пустыню в солнечных лучах
зной мертвящий корчит.
Здесь, в кузнецких огненных печах,
сталь животворящая клокочет.

Пот с виска горячим ручейком
по щеке стекает,
воздух неостывшим кипятком
горло обжигает.

Но ничье так сердце не стучит
в полной силе:
я варю в негаснущей печи
мощь России.

НА ЮЖСИБЕ

Зима-ткачиха, рукодельница:
соткет—ни рубчика, ни шва.
Полотна снега всюду стелются,
и на деревьях — кружева.

Но не о ней, зиме-красавице
шумит народная молва.
Простые люди ныне славятся,
о них — сердечные слова.

...Здесь летом травы двухметровые,
зимой здесь по грудь снега.
Здесь по-сибирски жизнь суровая
и по-таежному строга.

Земля морозами закована
и неприступна, как броня.
Но, человеком атакована,
сдается, будто сталь, звеня.

Где аммоналом, где лопатами,
штурмуем каждый метр земли,
и взрывы гулкими раскатами
перекликаются вдали.

Взлетают к небу, как из кратера,
куски разорванной скалы.
Железной горстью экскаватора
земли насыпаны валы.

...В горах, как молнии меж тучами,
в глуши таежного угла,
вдоль бурных речек и над кручами
дорога наша пролегла.

ВЗРЫВ

...Раздался взрыв. Тряхнуло землю.
И взмыла к облакам тайга,
Берлоги, где медведи дремлют,
И двухметровые снега.

Осины, пихты-исполины
Летят, как спички, от щелчка...
На дне глубокой котловины
Лишь только дыма облака.

От основания до вершины —
Вся недоступная гора,
Что преграждала путь вчера
Громадою несокрушимой,
Раскидана по сторонам,
Сегодня все подвластно нам.

Мы по отрогам гор, по гривам
Прошли, чтоб новый путь пробить,
Мы гибельную силу взрыва
Сумели жизни подчинить.

И в непролазных дебрях ныне,
Как будто было так всегда,
На месте взрыва, в котловине
Бегут электропоезда.

В ЭЛЕКТРИЧКЕ

Поездки нынешней простой
не выдумать удачней:
несется «Красною стрелой»
наш пригородный дачный.

Дорожный спор
горяч и скор.

Вагон гудит,
как улей.

Долиною
во весь опор,
через мосты
и мимо гор
летим в Прокопьевск пулей.

На бричках здесь
тряслись отцы,
пешком бродили
деды,

а ныне мы
во все концы
на электричке
едем.

ЗИМНЕЕ УТРО

Боясь внезапно встретиться
с огнем восхода жгучего,
глухая ночь — медведица
ушла в леса дремучие.

Глаза рассвета синие
снежком чуть запорошены,
и город утро зимнее
встречает чуть взъерошенный.

Улыбкой утра нежного
его лицо румянится.
А площадь белоснежная,
как щеки у красавицы.

Земля под ноги стелется
полотнами роскошными.
Мороз — жених метелицы,
идет, скрипит подошвами.

Тряхнули трубы дымные
нечесанными косами,
и будят даль пустынную
гудки разноголосые.

Летит звон песен утренних
к полям, лесам заснеженным,
и свежий ветер кудри их
несет за город бережно.

Навстречу день торопится
в тулупчике неношенном.
Нашел тропу с околицы
и входит гостем прошенным.

ЗИМНИЙ ДЕНЬ

Он принес наряды зимние —
все покрылось белизной.
Зацвели березы инеем,
словно яблони весной.

Выхожу на берег снова я
тропить свежие следы.
Ивы хвалятся обновой,
манят заросли сосновые,
как цветущие сады.

Серебристой паутиною
до вершин окутан лес.
Над Кузнецкой котловиною —
синева родных небес.

Где ты ночь?
Давно растаяла.
Город в шубе горностаевой,
будто зимний день, белес.

Под папахами пушистыми
прячут головы дома:

«Пред любым морозом выстоим.
Не страшна теперь зима».

«В Заполярье не поедem мы, —
шепчет ветер детворе, —
стали белыми медведями
все сугробы во дворе».

ЗАРИСОВКИ С НАТУРЫ

1

Покуралесила
и улеглась метелица
В пушистые сугробы
под забором,
И белый дым
опять по крышам стелется,
как борода седая Черномора.
Метелицу ли
за старанье не похвалите?
Она всю землю
пухом укрывала.
Лишь на реке
блестят под солнцем наледи,
как зеркала
размеров небывалых,
Березы первый раз
обули валенки,
Накинул беличью доху
на плечи бор сосновый.
И зайцы выбегают на прогалинки
хвалиться белой,
словно снег,
обновой.

2

Не было, наверно, холоднее:
Птицы замерзают на лету.
Кажется, душа заледенеет,
Одолеть не сможет мерзлоту.

Но в тяжелом утреннем тумане,
В темно-серой непроглядной мгле
Возвышается не чудо-марсианин
На чужой неведомой земле —
В башне на стальном подъемном кране
Наренек, знакомый вам и мне.

КЕДР

Кедр — как парень в зеленой рубахе,
Подпоясанный кушаком.
Будто руки в саженном размахе,
Поднимает он ветви рывком.
Молодые ёлки-девчата,
Встав на цыпочки, рады взглянуть
На могучую, в три обхвата,
Загорелую кедра грудь.
А у ног притаилась крапива,
И от зависти жалит, как плеть.
Хоть и тянется вверх торопливо,
Суждено ей под кедром истлеть.
По-над кедром проносятся тучи,
Расступаясь пред ним налету —
Поднимается кедр могучий
В поднебесную высоту.
Чтоб оттуда, из поднебесья,
Поклониться сибиряку:
Он пилой, топором и песней,
Разбудил к новой жизни тайгу.

В ШАХТЕРСКОМ ГОРОДЕ

Отрывки из поэмы

НА РУДНИЧНОЙ УЛИЦЕ

Иван идет любуется
домами главной улицы.

..Шумит, как детство, березняк.
Тропу найдешь наощупь.
Бывало, спросишь — знает всяк
березовую рошу.

Перебежать через бугор
спешил любой мальчишка.
Сюда, забыв и дом и двор,
по воскресеньям шел шахтер
с гармоникой подмышкой.

Людей звала со всех концов
шахтерская гулянка.
Семейство—следом за отцом.
Ватага статных молодцов.
Не оторвешься, глянь-ка.

—А ну, ребята, шире круг!—
И тесно на поляне.
Кричит Иван:
— Держись-ка, друг,
от радости я пьяный! —

Иван притопнет —
под ногой
поляна встрепенется.
И вслед, Маринка, за тобой
быстрее вихря пред толпой
по кругу понесется.

И друг за другом без конца.
Веселая картина!
Сменяет сын-плясун отца,
отец сменяет сына.

И свой у каждого запас:
кто ловкий, а кто бравый.
И, кажется, пустились в пляс
кусты, березы, травы.

И словно розовый восход
пыланье щек горячих.
Из рощи песня вдаль плывет
да серебром звенит, зовет
смех девушек-горнячек...

Иван былое вспомнил вдруг,
забыв про все на свете,
и в песенный девичий круг
шутниц, Маринкиных подруг,
попал, как рыба в сети.

Не хочет ни одна шутница
с его пути посторониться.

О Кузнецкой улице
девушка поет.
На Кузнецкой улице
мнялая живет.

Где улыбки светятся,
любо всем пройти.
Может каждый встретиться
с милой на пути.

И у нас на улице
сердцем не криви,
девушки целуются
только по любви.

Полюбилась, нравится?
В сердце век храни.
Но от нас красавицу
вдаль ты не мани.

Девушка нахмурится,
скажет невзначай:
«В дом на нашей улице
жить переезжай!»

Если ж собираешься
сам на целину,
забирай подруженьку,
забирай жену...»

Девушкам шутки любви.
Весело возле клуба.

Разросся старый березняк;
помолодела роща.
Теперь там — стадион и парк,
а рядом — клуб и площадь.

Идет Иван, любитесь
шахтерским клубом, улицей.

*Кузнецкая улица
— в центре города*

Витринные сияния,
скульптуры и балконы,
волнуют сердце здания,
зовут к себе колонны.

Ступени лестниц в мраморе
о пыли позабыли,
как будто волны на море
на век у ног застыли.

Пройдите коридорами —
картины и портреты.
Ковровыми узорами
сменился блеск паркета.

А в зале, светом залитом,
как в мае на поляне,
такие песни в зале том,
что всяк веселым станет.

Порадовать не ленятся
горняцкие затейницы.

Шахтерские сыны —
певцы и плясуны.

Звучит кантата,
поют девочки.
На скрипке, на рояли
играть не устали.
Дыхание слышно в зале...

А в перерыв идут в фойе опять,
от выставки людей не оторвать.

На выставке — макеты, чертежи.
Что изобрел, а, ну-ка, покажи.

Для предложений на столе тетрадь —
чтоб новое всем вместе создавать.

Как пчелы в улей собирают мед,
Народ свои таланты в клуб несет.

НОВИЧОК

Где вы, горы Алтая,
Водопады, сады?
Где сторонка родная,
Где олени следы?

Синева над тайгою,
О тайге твои сны,
Даже здесь, под землею,
Пахнут смолы сосны.

Поднимает на спину
Молодую сосну
И к забою с лесной
Петр уносит весну.

Будто грохотом боя
Каждый шаг здесь объят —
Это взрывы в забоях
Громче грома гремят.

— Не хвались-ка ты, друже, —
Сокол спорит с орлом, —
Докажу, что не хуже
Слава дружит с Петром.

СПОР

Докажи! Ты рукаст,
Ты плечист, докажи.
Может, угольный пласт
Пред тобой задрожит.

Может, угольный пласт
Все богатства отдаст,
Загремит на-гора
И прославит Петра.

Не поможет обман,
Зря судьбу не пытай.
Разве мало Степан
Рассказал тебе тайн?
И не свой ли тебе
Он доверил комбайн?

У Степана рука
И крепка и легка:
Не унять горняка
И не счесть уголька.

Все уменье Степан
Не тебе ль показал?

Почему же туман
Застилает глаза?

Почему голова
Твоя кругом пошла?..
Грош цена всем словам,
Если плохи дела.

*Судя по Митиним
и - о Я. Гуменник
Затем сего в нем
и - не говор
и - не говор*

В ЗАБОЕ

Я. Я. Гуменнику

..Как майские громы,
в забое с утра
грохочет комбайн,
загружая конвейер.
Не слышно,
как раньше:
— За лесом!

Пора!
Не просишь,
как раньше:
— Вагоны!
Живее!..

Не взять
и сотне
крепких рук
Того, что танк
обрушил вдруг
и по конвейерам
с разгона
рассыпал уголь
по вагонам.
И никаких
не надо стоек:
Крепки железные устои.

И управление
простое.
Шахтер,
навек забудь простои!
На кнопку палец —
и стена
подземным танком
сметена,
раздроблена,
погружена,
а спины
не натружены
и руки не устали
и ноги не устали...
Об этой машине
шахтеры век мечтали.

СЫН

Б. П. Кандорскому.

Горячей крови
Былой танкист
Борис Петрович,
Мотоциклист.

Едва ль найдете
Быстрее «ИЖ»,
Как в самолете
На нем летишь.

Скорей—за город,
Не «ИЖ»—стрела,
Вдали озера,
Как зеркала.

Налево глядя,
Полней дыши
В речной прохладе,
В лесной тиши.

Зовет направо
Степной простор,
Хлеба и травы
До синих гор.

В глаза и в губы —
Сиянье дня.
Россию всю бы
Душой обнять!..

На побережье
В тени кустов
Охапку свежих
Нарвал цветов.

Как материнский
Земли привет,
Родным и близким
Везешь букет.

Пока в столовой
Хлопочет мать,
Ты за обновой
Успел слетать.

Дарит долина,
Шлют склоны гор
Шахтеру-сыну
Цветов узор.

СЕМЬЯ

За городом шахта
у всех на виду,
Я утром с друзьями
на шахту иду.

Шахтерский поселок
мне с детства знаком:
направо — театр,
налево — райком.

По этой дороге
подростком в забой
впервые отец меня
вел за собой.

Теперь подрастают
мои сыновья.
По сердцу им будет
дорога моя.

Почет заслужил я
шахтерским трудом.
В подарок мне шахта
построила дом.

У дома ограда
и маленький сад,
румяные яблоки
радуют взгляд.

Для старшего сына,
пока он — студент,
купил пианино
и мотоциклет.

Друзья называют
меня богачом.
А сами-то мне
не уступят ни в чем.

ЗА СЧАСТЬЕМ...

В пути расспрашивать не стал
Иван отца.
Молчали.
Проходкин Павел вспоминал
обиды и печали.

И в сердце — словно ржавый гвоздь —
от горьких размышлений.
— Россию я прошел насквозь.
Немало видеть довелось
на Волге и на Лене...

А между ними год шагай
и то пройдешь едва ли.
Бескрайний благодатный край!
Любое место выбирай,
хвали, не перехвалишь.

Тайга уперлась в небеса.
Сосна струны стройнее.
Кедрач — хоть ставь под паруса.
А дальше степь!..
Гуляй, коса,
пока не опьянеешь.

Проходкин шел издалека,
а ни в лесу, ни в поле —
нигде для счастья горняка
не находилось уголка,
лишь для беды раздолье.

Добрел до Лены. А беда
вдогонку по его следам.

Копнешь разок—и на лопате
искрятся желтые песчинки.
Земля богата, щедро платит.
Кажись, для всей России хватит
песчинок золотой лощинки.

Но жить на Лене?
Не дай бог!
Сочилось кровью Бодайбо.

Припомнил, как бредовый сон,
запекшиеся пятна.
И тяжкий стон со всех сторон,
который всюду слышал он
в России необъятной.

Но где же счастье?
Где же? Где?
Скажите, бога ради!
Неужто век мне жить в нужде,
как жили дед и прадед?

Нет, не поддамся доле злой!
И, если этак всюду,
не на земле, так под землей
я счастье раздобуду!..

Подался по таежным тропам
на Судженское, к углекопам.

Там в нелюдимом и сыром
и мрачном подземелье
они кайлой и топором
орудовать умели.

Но и двурогая кайла
Проходкину не помогла.

Ты раздробил крепчайший пласт,
грузи на санки, ты рукаст,
и становись на четвереньки.
впрягайся и вези, он даст
тебе на пропитанье деньги.

Но вместо денег, как всегда,
нужда, а рядом с ней беда.

Хозяин шахты — старый чор-
и правды не добиться.
«Расчет!
Немедленно расчет!
Подлюга!
Кровопийца!»..

Побрел на новые места.
Идет, надежды копит.
Сманили к угольным пластам
Кольчугинские копи.

Вгонял кайлу по рукоятю
с размаху в черный камень,
надеясь счастье отыскать
за черными кусками.

Но ты хоть гору искроши,
хозяин выплатит гроши.

Тебя он трижды обчитал,
награбил денег груды.
И вместо счастья — нищета,
как тень, с тобою всюду.

Но наступил великий год —
лишен хозяин власти!
Проходкин понял, что найдет
не он один, а весь народ
свое большое счастье.

Кузбасс от глаз сибиряка
века богатства прятал,
лишь клокотала Томь-река
на бурных перекатах.

Из леса в полдень голубой
шли звери к водою.
Бродил отважный зверобой
таежною тропею.

Дремали горы до поры,
гнила в болотах тина,
но застучали топоры
по склонам и долинам.

В расщелинах прибрежных скал,
в размывах горных речек
сокровищ клады разыскал
геологоразведчик.

И говорят, в ту ночь в Кремле
не спали до рассвета,
так дорога родной земле
была находка эта.

Проснулись горы и тайга!
Сквозь бури, через грозы
сюда, на шахты рудника,
бегут электровозы.

И там, где рос столетний кедр,
вздымаясь над долиной,
из-под земли, из щедрых недр
бежит угля лавина.

Переродилось все теперь
под солнцем нашей власти:
большевики открыли дверь
к большому счастьем настезь.

BECHA

ПРИМЕТА

По едва заметным,
 отдаленным
признакам,
 доступным лишь влюбленным,
чувствуется:
 к нам идет апрель,
хоть еще не скоро
 с ветки клена
о шершавый тротуар
 со звоном
первая
 ударится капель.

ВЕСНА

Еще недавно
скованная льдами
река томилась
в ледяном плену.
А ныне
под апрельскими лучами
она встречает
шумную весну.
Вбирая терпеливо,
постепенно
потоков силу,
юность ручейков,
река освобождается
из плена.
ломает тяжесть
ледяных оков.
От берегов
до самой середины,
как молний стрелы —
трещины на льду
река взрывает
и уносит льдины
и молодеет
тут же на виду.

А льды стремятся
дольше задержаться,
цепляясь
за бетонные быки,
сшибаясь,
друг на друга громоздятся
вчерашние друзья,
теперь—враги.
Кто на таран,
обламывают крылья,
тот, кто поменьше,
норовит бочком,
исходят пеной
в бешенстве бессилья,
шипят, как змеи,
свившиеся в ком...
А молодая
вешняя река,
обмыв луга,
очистив берега
от мусора давнишнего
и тины,
уносит прочь
враждующие льдины,
могуча,
полноводна,
широка.

БЕРЕГА И ЛЮДИ

Оторванный от берегов,
лед не удержится на реках.
раскрошится и — был таков...

Не так ли — в жизни человека?

Чуть оторвался от людей —
и обесмыслил, как Антей.

СМЕНА

Еще в логах
скрипят снега,
белеют ветки в ивее,
а по лугам
под птичий гам
склоняются к моим ногам
цветов головки синие.

КАПРИЗЫ ВЕСНЫ

Поймет ли бор морозно-сизый
весны апрельские капризы?

Встает рассвет в объятьях стужи.
А там, глядишь, — ручьи и лужи.

Под вечер снова кроны бора
в одеждах зимнего убора.

А ночью — снег, пурга, мороз,
И с крыш висят сосульки слез.

Опять зима: белым-бело,
Ручьи и лужи замело.

Назавтра солнце из-за туч
Пошлет земле весенний луч.

Растает снег, и допоздна
Шумит сибирская весна.

ГРОЗА

Задорный май, в любви упорный
сказал весне: «Грозу исполни».
И раскидал по тучам черным
изломы огненные молний.

Послушная весны приказу,
земля—в молчаньи затаенном
Затихло все живое сразу,
не смея помешать влюбленным.

Как будто тишиною тешась,
не шелохнутся трав щетинки.
Листвы нетронутую свежесть
целуют первые дождинки.

Они, как высшая награда
земле, грозой обновленной.
Весь мир благодарит за радость
весну и май, навек влюбленных.

У ОКНА

Подоблачные трубы — свечки,
звонки трамвайные далече,
кусты — сутулые овечки —
бегут отарою навстречу.

Без красок приторных и ложных,
цвета земли и неба всюду.
Весна — затейливый художник —
рисует яркие этюды.

ПОБЕДА

Могучей грудью,
суда вздымая,
шумит, играет
волна Дуная:

«Я все видала,
от пен седая.
Такого мая
никто не знает.

Край залит солнцем,
цветет, не вянет,
здесь русских славят
друзья славяне.

...По горным тропам
идем за тучи,
где в рост сугробы
и снег сыпучий.

Гремят Карпаты!
Там в поднебесье
поют солдаты
родные песни.

— Откуда, братцы? —
Пойди, спроси их.
— Мы — сталинградцы,
сыны России.

По всем высотам
навстречу Маю
прошла пехота,
врага сметая...

Фашизма горло
кольцом сжимая,
мы знали — скоро
день Первомай.

Победы знамя
весна вздымает.

И лучше мая
никто не знает!

ВОСПОМИНАНИЯ

ВОЙНА

Нежнее чем юноши первый пушок
ложится на землю осенний снежок..

Снежинки не тают в запавших ресницах,
Кошмарней во сне никогда не приснится,

РАБОЧЕМУ

Ты пулеметной перебранкой
незванных не встречал гостей
и не швырял под лапы танков
шары спрессованных смертей.

Ты не тонул в реке студеной,
вбивая сваи переправ,
не защищал станицы Дона,
не пенил гневного Днепра.

Не жил в землянках и окопах,
коней в Дунае не поил,
В Карпатах, на звериных тропах,
за тучами, по груди в сугробах,
не вел гранатные бон.

Но разоренная Европа,
рабыня в каторжных цепях,
Россией поднята из гроба
не без тебя.

СИБИРЯКИ НА ДНЕПРЕ

Вытирая росистой отавой штыки,
Обагранные вражеской кровью,
Опаленные боем, сибиряки
Выходили на берег великой реки,
К незнакомому им Приднепровью.

Там, на правом, вдали, где кровавый закат
В черных тучах огнем полыхает,
А на левом, где плещется шумно река,
Над лугами, с востока, вольна, широка,
Льется русская песня лихая:

— Мы пришли к тебе, Днепр, через Дон и Донец,
Каждый шаг отмеряя с боями,
Сквозь пургу и свинец
Пламень жарких сердец
Пронесли над донскими степями.

Нас недаром баюкала в детстве тайга
И взрастили просторы Сибири.
Мы пришли утопить в твоих водах врага,
Чтобы вновь по цветущим твоим берегам
Пелись песни о счастье и мире.

Выходи же навстречу, отец наш седой!
Шли к нам внуков прославленной Сечи,
Освежи наше тело холодной водой,
Пусть скорей наши раны залечит.

Мы на запад идем вызволять города,
Оживлять обгоревшие села,
Мы пришельца-врага усмирим навсегда,
Чтоб свободный народ никогда не страдал.
Чтобы снова кипучая радость труда
Зазвенела напевом веселым!

РАДОСТЬ

То, как птица, припадая к травам,
То взмывая гордо в небеса,
Зазвенела радость над Полтавой
И пошла по улицам плясать.

Дверь и окна в каждом доме — настезь.
Выходи, освобожденный, пой, играй!
Не вернется никогда ненастье
В этот, солнцем озаренный, край.

Отползают тучи.
Прочь, обратно
Гонят их восточные ветра.
Оживленная победным шагом ратным,
Не смолкает радость до утра.

Ззорван мрак кровавой ночи лютой,
Всходят солнца ясного лучи.
Под раскат Московского салюта
Встань, Полтава!
Раны залечи!

По лесам, болотам, перелескам
День и ночь идут богатыри.

И над вырванным из каторги Смоленском
Знамя нашей радости горит.

У отбитых украиннок-пленниц
Слезы радости стекают по щекам.
Не вставать им больше на колени
На родных камнях Кременчуга!

От огня артиллеристов русских
Закипают воды переправ,
И девчата в самых новых блузках
Вышли с песней на луга Днепра.

Снова можно выйти до криницы
С коромыслом утром за водой,
Снова можно стать колхозной жницей
На полях пшеницы золотой...

Землю обожженную распашем,
Дом отстроим, вновь посадим сад.
Все кругом трудом и сердцем нашим
Оживим.
И станет много краше
Счастье, возвращенное назад...

ВОСПОМИНАНИЯ

Слова
во всю стихотворную прыть
бегут до поздней ночи
с вечера,
И вдруг
захотелось мне
покурить.
Хватился —
курить-то
ничего.

Осталось выгранить
несколько строк,
и стихотворенье —
готово.
Табачного дыма
хотя бы глоток! —
и образ нашел бы,
и слово.

Окурками
Мефистофель зарос,
на пепельнице —
спичек вязанка,

гора мундштучная
из папирос.
Хоть увози
на санках.

Пустой портсигар,
безутешен, как гроб.
Такая взяла досада!..
Ни табачинки
в столе не наскреб,
Щепоточку бы
самосада!

Обшарил карманы шинели,
брюк...
Напрасно!
Цыгарку не скрутишь из пыли.
Привычка проклятая!
Словно без рук!
Зашел бы сейчас проведать
друг.
У друга всегда
папиросы были.

Иду к соседу.
Стучу.
Разбудил.
Сосед спросонок вытащил ящик.
Зевнул:
«Под книгами
погляди.
А впрочем...
я ж
некурящий».

Вернулся в комнату.
Что же теперь?..
Попробовал лист засохший
фикуса.
Швырнул,
как рассвирепевший зверь —
табак из фикуса
гадок привкусом!

И вспомнил
передовую.
Окоп.
Промерзшие
шинели и куртки.
Рассвета ждать было
нам не легко б,
да выручили
самокрутки.

Под утро
вышел у всех табак.
А закурить
до зарезу хочется!
Друзья развлекались и этак и так,
смешил анекдотами
снайпер-чудак;
дрожала от хохота
ближняя рощица.

Ушел сержант
искать старшину.
В траншее
солдата дымящего
встретил.
«А ну, разворачивай, братец мошну...

Внезапно
взрыв
потряс тишину,
Снаряд.
За снарядом — второй
и третий.

Вернулся сержант.
На шутки скуп:
«Контратакуют...
Здесь не пройдет!»...
Принес:
«Затянуться всем по разку».
И в руки из рук,
и в губы из губ
поплыл
окурок
по роте.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Стр.

Отечество

К читателям	3
Коммунисты	7
Гордость века	13
Выстрел «Авроры»	15
В пути	17
Материнское слово	19
На лесах	20
Любимая пора	23
Майское	26

Любовь и дружба

Песня о дружбе	31
Тополь и береза	34
Березки	36
Наташа	37
Родство	39
Подарки	40
Жизнь	43
Не даром	44
Верю	45
В отъезде	46

Беспечность	47
Флюгер	48
Хамелеон	49
Девушке	50
На свидание	51
Тени грозят	52
Встреча	53
Разговор с волной	54
Утро	55
Ожидание	56
Любовь	57
На рассвете!	59
Ни слова о любви	60
Фонтан	61
Юным друзьям	63
Железный след	65
Руки шахтера	66
Перемена	67
Верность	68
Друзья	69
Ясная поляна	71

Баллады

Баллада о комсомольце	75
Подвиг	79
Рудник в горах	82
Северная баллада	85
Воин и труженик	88

Родные места

Ясноокие огоньки	93
Таштагол	95
Кемерово	96

Сталинск	98
У мартена	99
На Южсibe	100
Взрыв	102
В электричке	103
Зимнее утро	104
Зимний день	106
Зарисовки с натуры	108
Кедр	110

В шахтерском городе

На рудничной улице (отрывки из поэмы)	113
Новичок	118
Спор	119
В забое	121
Сын	123
Семья	125
За счастьем	127

Весна

Примета	135
Весна	136
Берега и люди	138
Смена	139
Капризы весны	140
Гроза	141
У окна	142
Победа	143

Воспоминания

Война	147
Рабочему	148
Сибиряки на Днепре	149
Радость	151
Воспоминания	153

КОСАРЬ

Алексей Васильевич

ОТКРОВЕННОЕ СЛОВО

Редактор *М. Небогатов*

Техн. редактор *Т. Семибратов*

Корректор *Н. Филимонова*

Славо в набор 12/III-1958 г. Подписано к печати 3/VII-1958 г.
Формат бум. 70x92¹/₃₂. Печ. л. 5,85. Уч. изд. л. 4,13
ОП 06951. Тираж 3000 экз. Цена 3 р. 10 к. Заказ 1461
Кемеровское книжное издательство, Белякова, 26

Типография № 1, г. Кемерово

Сборник стихов Алексея Косаря
отсканировала Нина Инякина, г.
Кемерово.

24 января 2022 года.